

Сунгуров Расул Сунгурович, Студент
ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли»

ВЛИЯНИЕ ДИГЕСТ ЮСТИНИАНА НА ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье исследуется процесс рецепции римского частного права в российскую правовую систему, сфокусированный на влиянии Дигест императора Юстиниана на Свод законов Российской империи 1832 года. Анализируются механизмы восприятия пандектной системы, разработанной немецкой юридической наукой, и её адаптация в ходе кодификационной работы М.М. Сперанского, который сознательно ориентировался на *Corpus Juris Civilis* как на образец для систематизации. Особое внимание уделяется сравнению фундаментальных институтов гражданского права – права собственности, обязательственного и наследственного права – в римской и российской традициях.

Ключевые слова: Дигесты Юстиниана, пандектная система, рецепция римского права, Свод законов Российской империи, право собственности, договор купли-продажи, деликтная ответственность, наследственное право.

Дигесты или Пандекты – это сборник античных законов, представляющий собой квинтэссенцию римской правовой мысли и часть кодификации императора Юстиниана, который стремился упорядочить работы римских юристов-классиков, создав «Храм правосудия». С этой целью он учредил комиссию под руководством Трибониана, которая переработала огромное количество действовавших разрозненных правовых норм, исключая непрактичные и противоречивые.

Ученые в области права в составе четырех профессоров юриспруденции и одиннадцати адвокатов, используя не только сочинения пяти привилегированных юристов (Гая, Модестина, Павла, Ульпиана и Папиниана), но и других классических юристов, сокращали, добавляли или изменяли тексты правовых норм, что в последствии стало называться интерполяцией.

Комиссия обработала почти 2000 томов и 3 000 000 строк, создав 50 книг, разделённых на 432 титула и 9123 фрагмента. Книги охватывают различные аспекты права: от преторского до уголовного, от обжалования до муниципального. Работа была разделена на три части: по цивильному праву, преторскому праву и произведениям Папиниана.

Именно Дигесты заложили фундаментальные принципы римского права, ставшие в будущем основой римской юриспруденции. Было сформулировано деление права на частное и публичное (D. 1.1.1), раскрыто понятие справедливости, свободы договоров, абсолютной защиты собственности и обязательства как личной правовой связи. Все нормы, изложенные в дигестах, представляли собой особую логическую структуру: лица, вещи, обязательства, наследство. Данный принцип лёг в основу системы кодексов, которую позже назвали «Пандектной». Эта система оказала прямое влияние на национальные кодификации и университетское образование Европы, включая Россию.

Такая схема стала результатом трудов немецких пандектистов (Б. Виндшейд, Г. Дернбург), которые переработали римские конструкции в «учёное право», выделив Общую часть и пять книг особенной части. Благодаря их трудам данная правовая система стала высшей формой рецепции римского права для национальных кодексов [5].

Особое место в Российской истории занимает влияние пандектной системы на Свод законов Российской империи 1832 года. *Corpus Juris civilis*, в частности, Дигесты, которые стали его прообразом.

Развивающиеся экономические отношения того времени всё больше вызвали потребность в их урегулировании, а неупорядоченность российского законодательства, начиная с Соборного Уложения Алексея Михайловича, не позволяла в полной мере эту потребность удовлетворить. И, как пишет Сергей Кодан в своей работе, Сперанский главным образом опирался на западноевропейский подход упорядочения законов и на авторитет

римского права. Он утверждал, что законы для разрешения подобных ситуаций были уже давно сформулированы и закреплены в законодательстве Юстиниана, а потому своим главным эталоном выбрал Юстинианов Свод [1].

Профессор Е.А. Суханов, характеризуя этот выбор, отмечает, что для Сперанского принципиальное значение имел вопрос о выборе из известных видов сводов наиболее адекватного для российского законодательства. Из сопоставления шести возможных видов делался однозначный вывод: «Очевидно, что наше Сводное Уложение в начатках его и состав Юстинианов в действительном исполнении одни представляют дело законодательное; все прочие виды... суть дело частное». Свод «должен быть *Corpus juris*, общим составом законов, и в сем понятии должен обнимать все части законодательства во всей их совокупности» [3].

Сперанский сознательно ориентировался на *Corpus Juris Civilis*, называя его общим составом законов в «Обзрении исторических сведений о Своде законов» [2]. При этом из этого же труда можно сделать вывод, что Сперанский подчеркивал необходимость именно тематического расположения материала вместо хронологического. И хотя Свод законов Российской империи был инкорпорацией действующих русских законов, а не новым уложением, как, например, Германское гражданское уложение, и не создавал абстрактных норм, подход Сперанского отражал пандектную методологию изложения, даже с учётом огромного влияния французской институционной системы.

Проникновение римского права в Россию – ключевой процесс, определяющий развитие правовой системы. Этот процесс включает выбор, адаптацию и систематизацию римских норм в соответствии с местными традициями. Тексты Юстиниана, особенно «Дигесты», стали основой для модернизации права в XIX веке. Исследование анализирует механизмы рецепции, сравнивая римские и российские нормы [3].

При составлении нового гражданского кодекса российские юристы, многие из которых были знакомы с римскими текстами, обращались к ним для решения сложных вопросов. Даже если норма не копировалась, ее структура могла следовать римскому образцу. Например, принцип разделения частного и публичного права из Дигест лег в основу структуры Свода законов, где частное право собрано в десятый том, содержащий гражданское право.

Римское право стало изучаться в России с конца XVIII в., а в XIX в. – уже во всех университетах. Более того, изучение римского права входило в систему среднего образования. Первым учебным пособием, в котором последовательно излагались римские договорные конструкции с последующим сравнением с российским регулированием, стал труд А.А. Артемьева (1777 г.). По аналогичной схеме – от римского образца к российским особенностям – строились и последующие курсы, что свидетельствовало о глубоком проникновении римской догматики в отечественную юридическую мысль.

Анализ влияния Дигест на российское право невозможен без изучения собственности и договорных отношений, где римское право стало фундаментом гражданского законодательства Российской империи благодаря своей строгости и системности. Принцип абсолютности владения, формы приобретения права собственности и развитая система договоров стали ориентиром для российских юристов при кодификации.

Центральным элементом римского частного права была концепция *dominium*, или полного и абсолютного владения вещью, дававшая владельцу право распоряжаться ею по своему усмотрению в пределах закона. При передаче права собственности использовались специфические формы. Среди них особое место занимал договор *emptio-venditio* (купля-продажа). Этот договор был не просто соглашением сторон, а сложным юридическим фактом, требовавшим соблюдения определенных процедур. Дигесты содержат большое количество примеров и комментариев по этому договору, демонстрируя его основополагающую роль в римской экономической жизни. Эти нормы стали основой для формирования соответствующих институтов в других правовых системах Европы и, впоследствии, в России. Так, мы можем увидеть, что в российской правовой системе XIX века был выработан специальный институт договора купли-продажи, который, хотя и имел свои особенности в

виде сословных ограничений, по своей сути был близок к римскому *emptio-venditio*. Как и в Дигестах (D. 18.1), он понимался как соглашение, по которому продавец обязуется передать вещь в собственность, а покупатель – уплатить цену (ст. 1384 и сл. т. X Свода законов).

Однако более глубокий анализ показывает, что в русском праве не всегда могут полностью воспроизводиться римские принципы. Одним из явных отличительных признаков стало незавершенное разделение институтов владения (*possessio*) и права собственности (*dominium*). В Дигестах Юстиниана владение рассматривалось как самостоятельный институт, защищаемый независимо от титула собственности (D. 41.2.12.1), что позволяло обеспечивать гибкость в сложных отношениях (узуфрукт, долгосрочная аренда, залог).

В Своде законов Российской империи (ст. 420 т. X ч. 1) право собственности определялось как “власть... исключительно и независимо... владеть, пользоваться и распоряжаться”. Владение здесь выступало скорее, как правомочие собственника или основание для приобретения собственности по давности (ст. 533). Очевидно такая конструкция, сочетавшаяся с сословными ограничениями и формализмом, только ограничивала гибкость земельных отношений по сравнению с римской моделью [4].

Не менее важным аспектом влияния Дигест Юстиниана служит римская конструкция *damnum iniuria datum* (причинение вреда противоправным и виновным способом), закреплённая в *Lex Aquilia* и отражённая в Дигестах (D. 9.2). Хотя в римском праве это была прежде всего форма частного иска (*actio legis Aquiliae*), а не современный общий институт деликтной ответственности, её принципы (противоправность, вина как условие ответственности, возмещение убытков) оказались чрезвычайно плодотворными.

Эти идеи через европейскую (пандектную) доктрину смогли оказать влияние на регулирование обязательств из причинения вреда в Своде законов Российской империи (том X часть 1, статьи 644–683). Данная концепция стала одной из отправных точек для дальнейшего развития института внедоговорной ответственности в российском праве.

Исследование наследственного права также указывает на то, что рецепция римского права была селективной и адаптивной. Римское право, изложенное в Дигестах, представляло собой обширную систему понятий и норм, которые российские правоведы адаптировали, учитывая современные реалии и национальные особенности. Данный процесс не сводился к простому заимствованию, а заключался в нахождении баланса между римской правовой традицией и российскими общесоциальными устоями.

Особенно показательным является институт завещательных распоряжений. Римское право обладало высокоразвитой системой наследования по завещанию, включая различные виды легатов и фидеикомиссов (Дигесты, книги 28–32). Среди них выделялись *donatio mortis causa* (дарение на случай смерти, D. 39.6) – условная сделка, вступавшая в силу при условии предшествующей смерти дарителя, – и *legatum per vindicationem* (вещный отказ, дававший легатарии прямое право на вещь).

Эти нормы в очередной раз демонстрируют нам гибкость римского частного права. В томе X Свода законов прямого заимствования *donatio mortis causa* как самостоятельного института нет: распоряжения имуществом «на случай смерти» часто квалифицировались как завещательные (ст. 991 и сл.). Однако элементы условных дарений с отменительным условием (смерть одаряемого раньше дарителя) нашли отражение в ст. 977 Свода, с оговорками. Аналогично, завещательные отказы в российском праве носили преимущественно обязательственный характер.

В российском праве, в том числе в Своде законов Российской империи (т. X ч. 1, ст. 1106), также появились нормы, допускавшие к наследованию детей, зачатых при жизни отца и родившихся после его смерти. Эти положения учитывали православные традиции и сословные особенности империи, которые влияли на толкование подобных ситуаций.

В обязательственном праве рецепция проявилась наиболее отчётливо. Помимо уже вышеупомянутого договора купли-продажи российским законодательством заимствована ответственность продавца за недостатки товара (ст. 1420–1429 т. X ч. 1), по которой продавец обязан возратить цену или возместить убытки, если вещь оказалась в таком состоянии,

которое покупатель не знал и не мог знать при заключении сделки. Это напрямую восходит к римским нормам об ответственности за скрытые недостатки (D. 21.1 – *actio redhibitoria*) и общим обязательствам продавца (D. 19.1). Римская доктрина была воспринята, хотя в Своде она менее детализирована.

В Своде законов (статьи 1691 и последующие) договор аренды (найма имущества) определяется как соглашение, по которому арендатор обязуется использовать полученное имущество и вносить за него плату. Это точное соответствие римскому *locatio-conductio*, который также представляет собой двусторонний договор с взаимными обязательствами. (D. 19.2).

Таким образом, что римское право интегрировалось в российскую правовую систему не только как внешний ориентир, но и как её неотъемлемая составляющая. Оно предоставило юристам-реформаторам XIX века обширный интеллектуальный арсенал, богатый терминологический запас и высокий уровень научной обоснованности, что способствовало формированию новой, более совершенной правовой системы. Свод законов Российской империи, опубликованный в 1832 году, стал основным хранилищем этого наследия, и многие его положения сохраняли свою актуальность и после революции, подтверждая долговечность и фундаментальное влияние римского права. Именно поэтому изучение проникновения институтов Дигест в российскую правовую традицию представляет собой не только исторический интерес, но и ключ к пониманию структуры и логики современного российского права, которое до сих пор сохраняет следы античной юридической мысли.

Список литературы:

1. Кодан С.В. Сперанский М.М. и формирование теоретических основ юридической техники систематизации законодательства в России (1820 – 1830-е гг.) // Юридическая техника. 2012. № 6.
2. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о своде законов: Сост. из актов, хранящихся во 2 Отделении Собств. е. и. в. канцелярии. – Санкт-Петербург, 1833. – 200, VII с.
3. Суханов Е.А., Кофанов Л.Л. О значении русского перевода Дигест Юстиниана // Дигесты Юстиниана: в 8 т. Т. VIII: Статьи. Указатели. М.: Статут, 2006. С. 11–28.
4. Тараборин Р.С. Свод законов гражданских Российской империи 1832 г.: генезис законодательной конструкции // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2022. № 1. С. 30–37.
5. Цуканова Е.Ю., Бакирова Д.М. Основные принципы пандектной кодификации: от римского права к современным кодексам // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2025. Т. 50, № 4. С. 816–824

